

РАССКАЗЫ

ИЗВЕСТНЫЙ ПИСАТЕЛЬ

— Итак, — сказал менеджер, — я слушаю вашу проблему.

Иван Сергеевич сидел в одном из многочисленных офисов корпорации «Мир миров». Было непросто решиться прийти сюда. Он думал об этом многие годы. Думал до тех пор, пока не понял, что другого выхода нет.

— Дело в том, — начал он, — что я писатель...

— Талантливый? — перебил его менеджер.

Это было неожиданно. Вообще этот нагловатый юноша с самого начала, еще с первого телефонного разговора поставил себя так, как будто Иван Сергеевич ему должен, а не наоборот. Но это было объяснимо: «Мир миров» — крупная корпорация, не имеющая конкурентов и не знающая отбоя от клиентов. Монополия есть монополия!

— Да, — ответил Иван Сергеевич, — надеюсь, что талантливый... Но есть некоторая проблема...

— Иначе вы бы не пришли! — улыбнулся менеджер.

— Да... Так вот, проблема в том, что я недостаточно популярен. Я совершенно уверен в том, что мои книги очень хороши, но они в силу каких-то причин не получили должного распространения, и вот я...

Иван Сергеевич запнулся. Он хотел сказать «неизвестен», но это почему-то оказалось трудно произнести вслух.

— Ясно, — снова улыбнулся менеджер. — Значит, вы хотите отправиться в лучший мир, где вы известный писатель?

— Да. Но только заслужено!!! — вдруг вспыхнул Иван Сергеевич.

— Понятно... Сейчас посмотрим, как много миров, где вы известный писатель...

Менеджер погрузился в ноутбук. Довольно долго он где-то щелкал, морщил лоб и потирал его, как будто от напряжения и сложности поставленной перед ним задачи, что было Ивану Сергеевичу неприятно. В конце концов это так затянулось, что он подумал: «Сейчас мне скажут: а такого мира, где вы известный писатель, нет вообще!» Хотя он знал, что это невозможно. Потому что в рекламе «Мира миров» постоянно твердили одно и то же: возможно все!

— Так! — вдруг сказал менеджер. — Миров, в которых вы известны, довольно-таки маловероятны...

— Что это значит? Но они же есть?!

— Есть. Примерно один на сто миллиардов таких, где вы неизвестны.

— И что?

Иван Александрович Гобзев родился в 1978 году, окончил МГУ (философский факультет). Там же защитил кандидатскую диссертацию по философии. Работал в разных профессиях, в том числе корреспондентом и преподавателем. Печатался в журналах «Нева», «Москва», «Новая Юность» и других. Автор трех книг прозы. Живет в Подмосковье.

— Это влияет на стоимость. Одно дело, если вы хотите оказаться в мире большой вероятности, и совсем другое дело отправить вас в мир ничтожно малой вероятности!

Ивану Сергеевичу было обидно слышать про «ничтожную» вероятность, но он постарался не подавать вида. Менеджер это заметил, и ему было все равно.

— И сколько это будет стоить? — холодно спросил Иван Сергеевич.

Менеджер опять углубился в ноутбук. Он морщил лоб, потирал его, что-то записывал в блокноте.

— Так! — наконец сказал он. — Пожалуйста.

И пододвинул Ивану Сергеевичу блокнот. Цифра, обозначенная там, многократно превышала то, на что он рассчитывал. Да, он был готов к тому, что реклама и реальное положение дел различаются, но чтобы настолько...

— Почему так дорого? — спросил он.

— Потому что, как я уже объяснил, нужный вам мир очень маловероятен! — с раздражением ответил менеджер.

— И что? Какая разница, отправлять меня в многовероятный мир или в маловероятный?

— Ладно. Давайте я вам объясню техническую сторону... Вы вообще хорошо понимаете, как это все работает?

— Не очень.

— На самом деле все просто! — менеджер обрадовался, поняв, что клиент ничего не понимает. — Сейчас я вам расскажу. Как вы знаете, существует очень большое количество параллельных вселенных, в которых случается все, что только может случиться. Таковы законы природы, таковая волновая функция Вселенной, включающая в себя суперпозицию всех возможных исходов.

Он внимательно посмотрел в глаза Ивану Сергеевичу, проверяя, какой эффект произвел последней фразой. Иван Сергеевич действительно ее не понял.

— Так вот. Когда индивид в силу каких-то причин перестает существовать здесь, он продолжает существовать и сознавать себя в другой вселенной! Конечно, наиболее вероятной, наиболее близкой по содержанию, по своей истории к той, которую клиент покидает. Это само собой так получается, потому что истории схожих вселенных разделились не так давно, скажем, за несколько минут, часов или дней до события, вынудившего его покинуть этот мир. Расходы на такой трансфер совсем небольшие. А теперь посмотрим на ситуацию, когда клиент хочет оказаться в мире, который очень далеко отстоит от того, который он покидает. Как я уже говорил, наиболее близкий мир, в котором вы известный писатель, крайне маловероятен! Процедура трансфера в маловероятный мир очень сложна и требует привлечения специалистов и высокоточного оборудования. Это, помимо рынка, и определяет цену.

— Что же, ясно... — задумчиво протянул Иван Сергеевич.

На самом деле ему не все было ясно, и он не был готов принять решение.

Менеджер, видя его неуверенность, сказал:

— У нас сейчас действуют акции и скидки. При заключении договора до конца рабочего дня скидка десять процентов. Ну и, конечно, по трейд-ин дополнительная скидка. Также, если у вас есть семья и ваши домочадцы готовы отправиться с вами, предусмотрен дисконт двадцать процентов на общую сумму. Есть квартира и машина? Продавать не нужно, мы возьмем в зачет. При покупке в кредит скидка удваивается. Но это в том случае, если есть тот, кто будет выплачивать кредит, когда вы переселитесь...

— Постойте, — перебил его Иван Сергеевич, — вы сказали трейд-ин. Что это?

— Обычная вещь. После вашего перехода в параллельную вселенную тело-то ваше останется. Его можно захоронить или кремировать, а можно сдать нам по трейд-ин.

Вы не переживайте, оно пойдет на полезные медицинские цели, ничего плохого мы делать с ним не будем.

Иван Сергеевич и менеджер снова погрузились в расчеты.

Выходило так, что денег у Ивана Сергеевича хватало. Хватало впритык, так что он должен был отдать все, что у него есть, причем по заниженной цене. Но и он, и менеджер понимали: в этом мире деньги ему уже не понадобятся, а с собой не возьмешь.

В итоге Иван Сергеевич согласился. Он уже и не очень хотел, и сомневался, но отступить не смел.

— Скажите, — спросил он, ставя подпись, — а можно будет как-то сохранить память об этой жизни и мире, которые я покидаю?

— Нет, — твердо ответил менеджер. — И поверьте, это к лучшему. Потому что когда человек помнит о параллельной вселенной, из которой он пришел, это называется шизофрения.

— А можно не... — Иван Сергеевич запнулся, подбирая нужное слово. — А можно не бросать свое тело тут, а совершить обмен? Ну то есть чтобы мой двойник там перешел сюда, а я туда?

Менеджер громко расхохотался.

— Теоретически да, — весело ответил он. — А практически нет. Да и кто же захочет на ваше место?

Иван Сергеевич от обиды сжал зубы и нахмурился.

Заметив это, менеджер поспешил сказать:

— Не обижайтесь! Я хотел просто сказать, что, ну сами понимаете... Там лавры, дорогие машины, красивые женщины, слава! И вот зачем ему менять что-то? Ну разве что из какого-то мазохизма... Ну или он философ... Знаете, приходил тут один.

Он перешел на доверительный шепот:

— Философ! Очень, между прочим, известный и обеспеченный человек! «Хочу, — говорит, — простую обычную жизнь рядового человека. Есть такой мир?» — «Да полно, — говорю. — А зачем вам?» — «А вам не понять», — отвечает.

— И что? — спросил Иван Сергеевич. — Он перешел?

— Да! Недавно вот...

Менеджер вдруг внезапно потерял интерес к Ивану Сергеевичу.

— Вы готовы? Тогда проходите вон в ту розовую дверь.

Иван Сергеевич посмотрел на небольшую розовую дверь. Ему было неприятно, что она розовая. Ладно бы синяя, зеленая... Но почему розовая?

— Почему розовая? — спросил он.

Менеджер оторвался от ноутбука и посмотрел на него так, как будто не ожидал здесь увидеть.

— А какая еще? Черная, что ли? Маркетологи проводили исследование, много денег потратили на дизайн двери. В итоге решили, что розовый наиболее благоприятный в этом деле цвет. Большинству нравится!

— Понятно... — Иван Сергеевич медленно поднялся. Ему очень не хотелось в розовую дверь. Это было слишком фальшиво перед лицом такого важного решения. — А можно последний вопрос... Вы говорили, что я попаду в очень маловероятный мир. В чем конкретно это будет выражаться?

— А, чепуха, — махнул рукой менеджер. — Чем менее вероятен мир, тем выше вероятность, что там будут происходить чрезвычайно маловероятные события. А так все, как обычно!

Иван Сергеевич подошел к розовой двери, открыл ее за ручку в форме улыбающейся головы Деда Мороза и ступил внутрь.

* * *

Пароход плавно шел по спокойным водам Черного моря мимо Анапы. Город белел на солнце, от берега отъезжали прогулочные катера, пляжи шумели детьми, чьи веселые крики вместе со звуками курортной жизни сливаясь в радостный и праздничный гул, отчетливо доносились до слуха Ивана Сергеевича.

Настроение было отличное — Иван Сергеевич отправился в писательский круиз. Из Черного моря через Средиземное в Атлантический океан, а там до Перу исследовать руины древней инопланетной цивилизации, которые раскопали недавно на плато Наска.

Пароход назывался «Иван Сергеевич», что казалось Ивану Сергеевичу несколько странным, но никто больше не обращал на это внимания.

По итогам поездки он собирался написать книгу, договор на издание которой уже был заключен с крупным издательством и был уже получен приличный гонорар. Кроме того, по мотивам книги планировался выпуск сериала в известном зарубежном стриминговом сервисе и полнометражного фильма на студии «Ленфильм».

— Фризанте? — предложил официант.

— Спасибо! — Иван Сергеевич взял бокал и отхлебнул ледяного игристого.

Неподалеку в группе других путешественников стояла девушка, с которой он уже некоторое время переглядывался. Она болтала со своим окружением, громко смеялась и, вдруг упирая руки в бока, искоса взглядывала на собеседника с хитрой улыбкой, как бы спрашивая: «Да что вы такое говорите?» Время от времени, достаточно регулярно, чтобы это не могло быть случайным, она смотрела таким же образом на Ивана Сергеевича.

«Надо присоединиться», — решил он и поставил бокал на фальшборт.

Решительным, но не быстрым шагом он направился к группе, в центре которой стояла она.

— Пираты! Пираты!!! — вдруг раздался отрывистый крик матроса.

Внезапно закричали все и забегали в беспорядке по палубе. Девушку Иван Сергеевич сразу потерял из виду. Вокруг был хаос, поднос с разбитыми бокалами уже валялся на полу в луже шампанского.

— Какие, к черту, пираты? — пробормотал Иван Сергеевич. — Это розыгрыш?

Откуда-то снизу раздалось хриплые голоса:

— На абордаж! Живее, сволота, цепляй крюками, в рот те ноги!

* * *

— Гребите! Гребите, мать вашу! — и длинный кожаный кнут больно ужалил Ивана Сергеевича.

Иван Сергеевич сжался от боли и оглядел свои плечи — они были в свежих рубцах.

— Куда морду поворотил? Греби давай! — закричал надсмотрщик и снова замахнулся на Ивана Сергеевича.

Иван Сергеевич налег на весла. Высокие черные волны вздымали нос галеры, кидая в лицо колючие брызги. Дул холодный северный ветер. Прямо перед ним работала мускулистая голая спина в шрамах. На правой лопатке была татуировка: Красная Шапочка и волк.

«Как же так? — в который раз задумался Иван Сергеевич. — Вот я известный на весь мир писатель, увенчанный всевозможными лаврами, лауреат престижных премий... И раб на галере!»

Иван Сергеевич с детства обладал способностью замечать абсурд. И его всегда удивляло, что другие люди, по крайней мере абсолютное большинство, считают, что все

в этом мире в порядке. В юности он еще пытался говорить об этом, указывать другим на очевидное, но над ним только смеялись — и это в лучшем случае. Все считали, что все нормально.

Иван Сергеевич бросил весло и стал в полный рост. Он хотел выйти в середину прохода, но забыл, что прикован к скамье цепью.

— С меня хватит! — громко сказал он. — Я — Иван Сергеевич, известный писатель, и не желаю больше сидеть тут со всяким сбродом!

Рабы и надсмотрщики засмеялись.

— Да мы знаем, что ты Иван Сергеевич! Вот ждем, когда нагребешь тут на новую книгу. Сам знаешь, что лучшее для вдохновения — реальный жизненный опыт!

Раздался хохот.

Опять изогнулся в воздухе кнут и со свистом ударил Ивана Сергеевича по спине. Иван Сергеевич застонал от боли и злости. Не желая получить еще, он торопливо сел обратно на скамью и схватил весло. Полетели соленые брызги, прижигая свежие раны. В скрипе уключин ему слышалось издевательское: «Известный писатель, известный писатель, известный писатель...»

— Иван Сергеевич, — прошептал раб спереди. — А расскажи нам эту свою историю... Как ее...

— Какую? — сердито спросил Иван Сергеевич.

— Про бабу!

— Про какую бабу?!

— Ну которая любила сильно, да все никак.

— Вы про Анну, что ли?

— Да-да! Про нее!

— Ну так роман этот не про бабу, и называется он «Анна Васильевна»!

— Да как скажешь, Иван Сергеевич, расскажи только! Шибко он нам нравится. И надсмотрщики не так лютуют, когда слушают тебя...

Иван Сергеевич хотел отказаться, но, повредничав минуту, решил все же рассказать — надсмотрщики и в самом деле, когда слушали «Анну Васильевну», пореже орудовали хлыстами. Странное дело, конечно, отчего этот его роман имел такой успех у простых людей... Роман-то непростой, о смысле жизни и мира. И обидно, что только его им и подавай. С тех пор, как роман вышел, он уж десять новых написал, и некоторые получше, а иные специально для простого человека, вроде этих убогих. Но нет, подавай им «про бабу», и все тут!

* * *

На невольничьем рынке Ивана Сергеевича никто не хотел брать. Люди подходили, щупали его, смотрели зубы, говорили с торговцем и отходили. Ему было обидно. Покупатели не слышали его, словно его голос не издавал звука, и говорили только с торговцем. Торговец почему-то совсем не пытался продать Ивана Сергеевича, а только молча кивал и шел показывать другой товар. И товар постепенно уходил, и, вначале многолюдный, помост скоро опустел. После полудня Иван Сергеевич стоял уже один, изнывая от жары и мух.

Торговец тоже томился, хотя и сидел под тентом.

— Вздохать и думать про себя, когда же черт возьмет тебя... — пробормотал он, глядя в сторону.

— Это вы про меня? — с вызовом спросил Иван Сергеевич. — Я, кстати, известный писатель!

— В том-то и дело, — не глядя на него, ответил торговец.

Уже перед закрытием, когда поначалу шумный и пестрящий рынок обезлюдел и в проходах остались только бродячие собаки и одинокая курица, Ивана Сергеевича купили. Богатый господин с бородой синего цвета, который просто шел мимо по своим делам, узнал его:

— О! Да это же Иван Сергеевич, знаменитый автор «Анны Васильевны»!

Торговец отдал его за бесценок, потому что хотел уже сам ехать домой, к жене и детям с подарками, а задерживаться тут еще на один день только из-за Ивана Сергеевича было накладно.

Пока шли к машине господина, тот спросил:

— Полы мыть умеете?

— И не только, — с достоинством ответил Иван Сергеевич.

— Вот и славно! А то дом у меня большой. Предыдущий полотер тер-тер, тер-тер, да исчез...

* * *

Иван Сергеевич пытался купить свободу у нового хозяина. Он предлагал тому целое состояние, все свои деньги, накопленные благодаря крупным гонорарам и премиям, но хозяин отвечал лишь одно: «Деньги не главное!» Иван Сергеевич и сам знал, что деньги не главное, но все равно не мог понять, почему, покупая его за деньги на невольничьем рынке, хозяин не может его ему же самому продать. Да, так было не принято в приличном обществе, это выходило из ряда вон, но Иван Сергеевич считал и эти правила абсурдными.

Дом господина стоял посреди глухого леса на холме, с самой высокой точки которого был виден краешек моря вдалеке. Дом походил на замок, со стенами и башнями. Каждый день Иван Сергеевич вставал в пять утра и приступал к уборке. До вечера он должен был вымыть все помещения, а их в доме насчитывалось более ста. И не просто вымыть, а вымыть хорошо. Качество уборки проверял старый одноглазый дворецкий с седыми бакенбардами. Дворецкий никогда не улыбался и не разговаривал, а лишь смотрел на сделанную работу. Если работа была сделана, по его мнению, нехорошо или Иван Сергеевич не успевал уложиться в срок, то назначалось десять плетей. К плетям Иван Сергеевич привык еще на галере, и там было побольше, но к унижению от них привыкнуть не мог до сих пор.

В краткие мгновения отдыха Иван Сергеевич становился у высокого окна и смотрел через верха дремучего леса на море. Удастся ли ему когда-нибудь освободиться? Вернется ли он к друзьям и своей работе? Вот о чем он думал.

— Иван Сергеевич, вы? — услышал он молодой женский голос.

Он обернулся. Перед ним стояла та самая девушка с парохода.

— Вы?! — спросил в ответ он, отстраняясь от окна и пряча половую тряпку за спину. — Что вы тут делаете?!

— Я как и вы! Меня купил господин! — и она переступила с ноги на ногу, уперла руки в бока и искоса посмотрела на него с той самой хитрой, но очень милой улыбкой.

— И что же входит в ваши... хм... обязанности?

— Развлекаю господина... Игрой на гитаре и пением. Я, знаете ли, окончила музыкальную школу по классу семиструнной гитары...

Они вдруг замолчали, глядя друг другу в глаза. Молчание не было неловким, но было напряженным и готовым разрядиться, как электрическая вспышка во что-то яркое и обжигающее.

— Ой, мне пора! — тихо сказала она, словно испугавшись чего-то. — Я побежала.

И в самом деле побежала по коридору прочь.
— Как вас зовут? — крикнул Иван Сергеевич.
— Алиса! — крикнула она в ответ и исчезла в полумраке.

* * *

Иван Сергеевич с Алисой решили бежать. Причин было две. Во-первых, Иван Сергеевич стал замечать, что, когда он моет полы на верхних этажах, сквозь щели в полу на него кто-то смотрит, как будто ползет по потолку нижнего этажа и следит за ним. Глаза у этого существа были желтые и взгляд очень неприятный. Иван Сергеевич бежал по лестнице вниз, но никого на потолке не находил, таинственное существо успевало скрыться. Только изредка он находил в тех местах волоски синей шерсти.

Вторая причина заключалась в том, что он больше не мог мыть полы. Дошло до того, что в звуке тряпки, трущейся о плиты и доски, ему стал слышаться голос, и голос этот повторял одну и ту же фразу: «Известный писатель! Известный писатель! Известный писатель!» Он останавливался и начинал тереть по-другому, но тряпка опять выдавала то же самое.

Он стал бояться мыть полы.

У Алисы были свои причины. Во-первых, она была давно влюблена в Ивана Сергеевича. Влюблена заочно, задолго до знакомства с ним, и он об этом не подозревал. Произошло это, когда она прочитала его самую первую повесть, написанную им в юности, до прогремевшей на весь мир «Анны Васильевны». Все, что он написал после, не производило уже на нее такого впечатления, но она читала и считала, что это хорошо, просто потому что любила его.

Но была и другая причина. Точно так же, как и полотеры, юные служанки исчезали время от времени, и никто не знал куда. Версия была такая: ушла в лес и не вернулась.

* * *

Однажды ночью, когда все уже спали, Алиса постучала к нему в дверь.

— Иван Сергеевич, просыпайтесь! — взволнованно прошептала она. — Это я, Алиса!

Иван Сергеевич ее не ждал. Он вскочил, зажег керосиновую лампу и бросился к обрезку зеркала, кое-как приделанного над деревянным рукомойником. Пригладив наскоро водой волосы, он открыл. Алиса стояла перед ним в коротком платье и красной шляпе.

— Иван Сергеевич, мне удалось раздобыть ключи у стражи! Сейчас они спят... У нас есть шанс!

Иван Сергеевич все понял и, ни слова более ни говоря, побежал вместе с Алисой по коридорам, стараясь не шуметь. За воротами замка было темно от близко подступающего леса, и только луна давала немного света, освещая белые камни дороги, ведущей к порту. Теперь они бежали быстро, как только могли.

Когда ельник сменился сосняком и вдали за деревьями стали мелькать портовые огни, в лесу раздался вой.

— Наверное, собаки воют? — спросил с надеждой Иван Сергеевич.

— Нет, волки! — ответила Алиса.

Они побежали быстрее, и снова раздался вой — ближе.

Сердце Ивана Сергеевича бешено колотилось. «Не хватало еще быть съеденным волками! — подумал он. — Бесславная кончина известного писателя!» И от мысли про «известного писателя» он вспомнил говорящую тряпку, и ему стало не по себе.

Еще чуть-чуть, до начала улицы, ведущей к порту, оставалась пара сотен шагов, и вот между стволов уже виден первый фонарь, и спящая собака, привязанная к нему веревкой...

Вдруг прямо перед ними на дорогу выпрыгнуло что-то большое и черное и застыло, выгнув спину.

— Стоять! — сказала оно.

— Вы кто? — испуганно спросила Алиса, отступая и беря Ивана Сергеевича за руку.

— Серый волк, — ответило чудовище, оскалив длинные белые клыки. — А ты вот Красная Шапочка, и тебя-то я и ищу! А это, как я вижу, Иван Сергеевич собственной персоной, автор «Анны Васильевны»!

Увидев волка, Иван Сергеевич рассмеялся.

— Бред! — уверенно сказал он. — Говорящий волк, Красная Шапочка... Мы что, в сказке? Алиса, тебе не кажется, что это чепуха какая-то?

— Нет, Иван Сергеевич, все как всегда, — прошептала она, дрожа всем телом. — Что вас смущает?

— Да все! Такое чувство, что я оказался в невозможном мире...

— Вот и напиши об этом роман! — рассмеялся волк и решительно направился к Алисе.

В свете луны они заметили, что его шерсть отлиывает синевой.

— Господин?! — воскликнула Алиса. — Это вы?!

Волк замер на секунду, но тут же широко разинул слюнявую пасть и издал зловонный рык. В этот момент на дорожке замелькали огни фонарей и послышался смех. Это охотники возвращались в город из леса.

— На помощь! На помощь! — закричала Алиса. — Тут Серый волк!

— Что?! Где?! — закричали в ответ охотники и, схватив в руки ружья, побежали к ним.

* * *

Ивану Сергеевичу с Алисой удалось найти в порту корабль, на который срочно требовались матросы и который отплывал наутро. Они боялись, что их схватят до отплытия, но люди хозяина почему-то не приходили на причал. Зато из прибрежных ресторанов раздавались радостные крики, как будто был какой-то праздник, а позже в городе зазвонили в колокола и послышались выстрелы.

В итоге Иван Сергеевич и Алиса отплыли без препятствий.

В пути им пришлось туго. Судно было охотничье, ходило на гигантских осьминогов. Не единожды они побывали в их огромных щупальцах, готовых утянуть корабль на дно, и всякий раз чудом спасались. Дело не было таким уж прибыльным: мясо осьминогов невысоко в цене, но отец капитана, его дед и прадед ходили на гигантских осьминогов и навсегда остались в море. Поэтому капитан считал своим долгом продолжать их дело.

Иван Сергеевич ничего не умел — ни гарпунить каракатиц, ни ставить снасти, поэтому его определили полотером, а Алису уборщицей в уборных. Полы мыл Иван Сергеевич по известной причине из рук вон плохо, и однажды его протащили под килем корабля, но он выжил. Спасла его совершенно неожиданно «Анна Васильевна».

Когда его во второй раз решили протащить под килем, он закричал:

— Да постойте же вы! Давайте я вам расскажу про бабу!

Матросы оживились. Боцман разрешил ему, и он рассказал им «Анну Васильевну». С тех пор его положение на корабле улучшилось.

Закончилось все внезапно: однажды ночью в разгар шторма на них напал особенно крупный осьминог. Он сразу обхватил щупальцами корабль и так его сжал, что затрещали бортовые доски.

Матросы похватали кто что и выскочили на палубу.

— Ктулху! Ктулху! — кричали они.

Иван Сергеевич, хотя и был сам напуган, удивился:

— Какой Ктулху? Его же не существует!

— Не существует, говоришь? — страшно глядя на него своим единственным глазом, закричал капитан. — А кто это тогда, по-твоему? Этот, тот самый, который утащил на дно моих прадеда, деда и отца?!

И, размахивая абордажной саблей, бросился рубить щупальца.

Ивану Сергеевичу и Алисе удалось спастись на шлюпе, который вместе с запасами воды и провизии успели спустить на воду матросы. Но больше никто в шлюп не попал. И ветер с волнами погнали их к родным берегам, и стая дельфинов неизменно сопровождала их всю дорогу. Днями было солнечно, но не жарко, ночами звездно и не холодно.

— Смотри, — сказала ему Алиса, кивая на дельфинов, — нам благоволит Посейдон!

Иван Сергеевич слишком устал, чтобы спорить. Но подумал про себя, что хотел бы все же жить в каком-нибудь более спокойном и нормальном мире, в котором не приходится удивляться тому, что происходит черт знает что.

А волны, разбиваясь о нос шлюпки, шептали: «Известный писатель! Известный писатель! Известный писатель!»

Иван Сергеевич заткнул уши ватой из подкладки куртки и лег на дно в надежде уснуть.

* * *

В родные края они вернулись в канун Нового года. Ивана Сергеевича сразу узнали и поселили в лучшей гостинице, Алисе тоже выделили номер по его просьбе. Новый год они встретили вместе, на центральной площади города, в ресторане у высокой и красиво украшенной елки.

Когда они под бой курантов чокались бокалами, по небу в санях, запряженных тройкой оленей, промчался Дед Мороз. Было большой удачей увидеть его, и считалось, что желание, загаданное в этот момент, обязательно сбудется. Алиса посмотрела на Ивана Сергеевича, зажмурилась и загадала.

Иван Сергеевич тоже загадал, но вслух сказал:

— Странно, я никогда не верил в Деда Мороза...

И вдруг, неожиданно для самого себя, обратился к Алисе:

— Алиса! Выходите за меня замуж!

Она вскочила, уперла руки в бока, посмотрела на него хитро искоса и рассмеялась.

— Не может быть! — сказала она.

— Что такое? Вы не хотите? — побледнел Иван Сергеевич.

— О нет! Я хочу! Просто это как раз мое загаданное желание!!!

— И мое!!!

— Иван Сергеевич, только я должна сразу вас предупредить...

— Что такое?!

— Иногда я превращаюсь в чудовище, и тогда вам лучше держаться от меня подальше.

* * *

Все уговаривали Ивана Сергеевича написать новый роман, ведь он столько пережил. Ему предлагали очень хорошие деньги уже только за одно обещание его написать, даже без заключения договора, но он отказывался. Еще свежи в его памяти были скрип уключин на галере, говор половой тряпки и шепот волн под бортами шлюпки. Ему хотелось вести теперь простую и тихую жизнь, жизнь обычного человека в спокойном и предсказуемом мире, где никогда ничего неожиданного не случается.

Он навел справки и выяснил, что есть компания, которая занимается перемещением сознания в другие тела — в параллельные вселенные. За крупную сумму можно было занять место своего двойника. Несмотря на плохую репутацию компании, Иван Сергеевич встретился с ее менеджером. Они рассмотрели возможные варианты, и выяснилось, что во всех мирах, которые нравятся Ивану Сергеевичу, он неизвестный писатель.

Это его, вопреки удивлению менеджера, совсем не расстроило. Но огорчало то, что вообще ни в одном мире рядом с ним не было Алисы. Менеджер долго искал, морщил лоб, безнадежно тер его, но все тщетно — Алиса была уникальна.

— Должен признать, — сказал наконец менеджер, — я в первый раз такое вижу! Похоже, мы с вами находимся в крайне маловероятном мире!

Иван Сергеевич и сам уже давно подозревал это, почти с самого детства. Удивляло только то, как его угораздило оказаться в таком невероятном мире, ведь это было крайне маловероятно, один шанс на сто миллиардов!

— Но кто-то же должен был занять нишу и этого мира, — объяснил ему менеджер. — Природа не терпит пустоты!

И предложил Ивану Сергеевичу скидку девяносто девять процентов и девяносто девять сотых на трансфер в другую вселенную.

— Почему вы это делаете? — поразился Иван Сергеевич. — Вам же невыгодно!

— Просто вы такой классный! — улыбнулся менеджер. — И я читал вашу «Анну Васильевну»!

— А что это за розовая дверь вон там? — спросил Иван Сергеевич, кивая на стену справа.

Эта дверь показалась ему неприятно знакомой, как будто он уже где-то видел ее и будто бы даже открывал за эту вот странную ручку в форме головы Деда Мороза.

— А это дверь в один конец. В мир вашей мечты!

Иван Сергеевич ушел ни с чем. Если бы не уникальная Алиса, он бы воспользовался услугами этой компании.

Хотя с Алисой иногда бывало непросто. Раз в месяц, в полнолуние, она действительно превращалась в чудовище, и однажды он чуть не заплатил жизнью, забыв об осторожности. Чтобы этого не повторилось, она накануне полнолуния сама запирает себя в серебряной клетке и отбрасывала ключ подальше. Потом болела целую неделю и совершенно не помнила, что происходило в период превращения.

Остальное время они были неразлучны.

* * *

Ивану Сергеевичу сообщили, что в этом году он стал лауреатом Нобелевской премии по биологии. Это было чрезвычайно странно, поскольку все его знания в области биологии сводились к школьной программе и нескольким прочитанным популярным книгам. Формулировка была такая: «За высочайший вклад в понимание устройства

жизни в нашей Вселенной». Как сказали люди, приближенные к Нобелевскому комитету, премии он обязан своей «Анне Васильевне».

Премию же по литературе получил Гомер, посмертно. С этим решением спорить было трудно, потому что Гомер, конечно, заслужил.

— Я хочу отказаться, — сказал Иван Сергеевич. — Это так нелепо! Все научное общество ополчится на меня из-за этой премии. Сколько есть блестящих биологов, которые достойны ее!

— Ты что! Давай поедем! — возразила Алиса. — Это же так круто. Уж раз тебя выбрал Нобелевский комитет, значит, ты достоин. К тому же я никогда не была на Луне!

Дело в том, что премию по традиции вручали на лунной базе.

Иван Сергеевич ехать не хотел. У него было дурное предчувствие. И в итоге лететь ему пришлось одному, потому что Алиса заболела. Заболела сильно, и он не хотел ее оставлять, но она настояла, чтобы он летел.

С тяжелым сердцем ступил он на трап космолета.

Предчувствие его не обмануло: прямо во время церемонии в зал ворвались инопланетяне — жители обратной стороны Луны. Вообще никто не знал, что они существуют.

И вот они ворвались прямо на своих лунных робоверблюдах, сорвали маски и закричали что-то страшными голосами на непонятном языке. Все перепугались и стали прятаться кто куда. Но прятаться было особо некуда, лунные жители всех нашли и увели с собой, а базу взорвали.

В этот раз Ивану Сергеевичу повезло больше: его приблизила к себе Королева Луны. Она давно уже знала про него, потому что лунные жители перехватывали радиосигналы с Земли. Она читала все его книги, видела все фильмы и спектакли и играла во все видеоигры по мотивам его произведений. Поэтому она назначила его своим первым советником. Но сразу предупредила, что он не должен пытаться сбежать, а если попытается, то будет казнен.

* * *

Что же оставалось делать писателю, кроме как начать писать новый роман! И Иван Сергеевич приступил. Писал он в свободное от служебных обязанностей время. Роман был автобиографический, но с элементами вымысла. Точнее, он был почти полностью вымышленный, но с элементами автобиографии. Так всегда получается, если пытаешься написать о себе, потому что все написанное оказывается неправдой, и лучше сразу уж писать вымысел вместо попыток изложить факты — тогда правды может оказаться даже больше, чем в самих фактах. По замыслу кончатся роман должен был хорошо — воссоединением героя со своей возлюбленной на Венере.

Иногда Ивану Сергеевичу удавалось выбраться тайком на другую сторону Луны и оттуда полюбоваться Землей. С Луны она казалась далекой и недостижимой. И он не мог сдержать слез — где-то там была Алиса... Что она делала? Не натворила ли беды в полнолуние? Его не было рядом с ней, и уже так долго!

Но он верил, что когда-нибудь вернется. Ведь в таком невозможном мире возможно все.

ТАЛАНТ

Перед тем как стать редактором, чего я только не перепробовал. Я хотел быть великим поэтом. Я был даже почти уверен в том, что я и есть великий поэт. Стихов я особо не писал, так, в школе придумывал иногда для развлечения однокласс-

ников четверостишия. Но мне представлялось, что если бы я занимался этим делом всерьез, посвящал много времени чтению других поэтов и изучению техники стихосложения, то, без сомнений, сравнялся бы с Шекспиром.

И вот я решил стать поэтом. Конечно, я не собирался, как это делали в старину, тратить на это безумное количество времени и сил. Я пошел в одну из компаний, где предоставляли услуги качественной нейросети. Это был филиал «Мира миров», ведущей корпорации в области виртуальных услуг. Про них говорят, что они лучшие.

Я пришел, меня подключили к нейросети, и она, проанализировав содержимое моего мозга, стала писать стихи — стихи, которые я мог бы написать, если бы занимался этим делом всю жизнь. Более точно, она сочиняла лучшие стихи, которые могли бы быть написаны мной в период моего духовного расцвета, на пике моих творческих возможностей.

И уввы, получилось так себе. Написав несколько десятков коротких стихотворений, пару поэм и один эпос, нейросеть спрогнозировала реакцию публики и критики. Прогноз был неутешительный: рейтинг одобрения четыре целых пять десятых из десяти. Это очень далеко от гениальности. Я и сам, как увидел эти стихи, сразу понял, что они не очень.

Потом я хотел стать композитором с мировым именем. Музыкай я вообще никогда не занимался, в нотной записи дальше скрипичного ключа не продвинулся. Но музыку слушать любил, и мне казалось, что я очень много в ней понимаю и сам бы смог сочинять шедевры не хуже какого-нибудь Бетховена.

И вот я снова пришел в филиал «Мира миров». Меня подключили к нейросети, и она стала сочинять — лучшее из того, что я мог бы сочинить, посвятить я всю свою жизнь музыке, и находясь на пределе вдохновения, и при совпадении других благоприятных факторов.

И опять провал!

Тогда я решил попробовать с живописью. Рисовать я более-менее умел и надеялся, что уж тут-то должно получиться. Но вышло то же самое! Самые лучшие картины, которые я мог бы нарисовать, получались совершенно посредственными.

Я ужасно расстроился, решил, что у меня нет никаких талантов, и дал себе слово больше не испытывать судьбу и не ходить в филиал «Мира миров», по крайней мере, пока не верну долги, взятые на это дело.

У меня началась депрессия. Я с тоской и завистью смотрел на всех этих известных людей, часто бестолковых, дрянных и вообще ничего не умеющих, но которым очень повезло. Повезло в том смысле, что они могли творить прекрасные вещи, которыми все восхищались! То есть творили, конечно, не они сами, а нейросеть на основе данных об их мозге, но какая разница, никто уже давно сам ничего не делает. Кропотливый, мучительный, вредный для здоровья труд навсегда остался в прошлом.

Что же, некоторым просто везет.

Показательна история Марии Стародуб, известнейшей нашей модельерши. Практически без образования (была на домашнем обучении, но на деле там никакого обучения не было). Писала с ошибками почти в каждом слове, говорила еще хуже, ничего не знала и не умела и вообще считалась полной дурой. Достаточно посмотреть ее видеоблог, который она вела до того, как стала известной. Ржет, как конь, что говорит — непонятно, вся речь из каких-то нелепых междометий и присказок. У нее была определенная аудитория, но не поклонников, а, скорее, наоборот.

И вот она за компанию со старшей сестрой пошла в филиал «Мира миров». Старшая сестра занималась дизайном одежды и хотела проверить, стоит ли ей продолжать, а также надеялась получить новые идеи, которые развила бы нейросеть на основе

того, что есть в ее голове. Заодно решила морально поддержать младшую, оплатила и ей тест на модельера.

Так Мария Стародуб стала известной на весь мир. Иногда говорят про кого-то: «Она проснулась знаменитой». Но в этом случае она даже не ложилась спать — люди во всем мире сразу увидели в сети, что творит подключенная к ней нейросеть. Модельные дома в тот же день засыпали ее предложениями о работе. А вот старшей сестре не повезло.

Мария в тот же день сделала пост в своем блоге: «Не фига се, всю жизнь смеялись на до мной унежали а теперь чего? Держите карман, сукины дети!» Комментарий набрал миллионы лайков от поклонников.

* * *

В итоге я стал корректором. Но не обычным корректором, а корректором генов. Я вычитываю редактуру генов на тот случай, если там закралась ошибка. Работа очень важная и ответственная, нельзя пропустить ни одной ошибки, иначе последствия могут быть катастрофическими.

Вот недавно корректировал гены одного человека. Каким этот человек был «до» редактуры его генов? Это как в картинках «до» и «после». Но они на самом деле вводят в заблуждение, потому что основные изменения при редактировании личности происходят не снаружи, а внутри!

Человек этот был очень нервный, с массой вредных привычек и склонный к депрессиям. Почти всегда ему было плохо, и никакое дело не могло его развлечь. А если и находил такое дело, то не мог за ним усидеть и вскакивал, бежал куда-то. Чтобы как-то себя успокоить, он много курил и пил крепкий кофе по десять-пятнадцать кружек в день. И иногда уходил в запой. Конечно, это сказывалось на здоровье: гипертония, одышка, постоянно плохое самочувствие. И вот родные уговорили его пройти процедуру в филиале «Мира миров». Он не хотел, но все же сдался, потому что жена сказала, что не хочет больше жить с таким человеком и уходит от него вместе с детьми. А детей он любил — пожалуй, это было единственное, что он еще любил.

И что из этого вышло?

Вышел совершенно другой человек. К сигаретам, кофе и алкоголю он полностью потерял интерес. А к жизни интерес, наоборот, появился. Он теперь может запросто сидеть десять часов кряду на диване и смотреть какой-нибудь сериал — и ему интересно!

Впрочем, дело, конечно, не ограничивается сериалами. Ему стало интересно делать все те обыкновенные дела, какие каждый день делают обычные здоровые люди.

* * *

Вообще, это хождение в «Мир миров» похоже на страсть к азартным играм. Как бывало в старину: люди проигрывали все, целые состояния и никак не могли остановиться. Или делали пластические операции до тех пор, пока были живы. Сейчас такое невозможно: все эти потенциальные зависимости редактируются еще в детстве. Бывает изредка, что в результате каких-то мутаций они формируются уже во взрослом возрасте, но и это исправляется легко.

У моего знакомого была такая нездоровая страсть к женщинам. Увидев женщину, он сразу хотел, чтобы она принадлежала ему. А нравилась ему почти любая увиденная им женщина, и это не давало ему покоя. При этом он был чрезвычайно застенчив и не смел подойти познакомиться. Если же и отваживался познакомиться, с трудом пе-

ресилив себя, то не мог пригласить на свидание. А если все же приглашал, то на самом свидании, куда он приходил на трясущихся ногах, не мог вымолвить ни слова.

— Да за что же мне такое наказание?! — сокрушался он. — За что мне дано столько любви и в то же время такая робость?!

Сокрушался он так много лет. Ему все говорили: «Сходи в „Мир миров“, отредактируй гены, все будет отлично!»

Он не шел. А потом вдруг взял и пошел. И ему помогло (иначе и быть не могло, всегда помогает). Во-первых, он перестал влюбляться во всякую проходящую мимо женщину, а во-вторых, мог теперь спокойно знакомиться, ходить на свидания и говорить на любые темы. Правда, и желание пропало.

Я сам корректировал редактуру его генов и допустил там маленькую ошибку. Не совсем случайно, потому что я как увидел текст, так мне сразу показалось, что там не все в порядке и лучше чуть по-другому. Но я знал, что по-другому нельзя, последствия могут быть чудовищны и необратимы, и поэтому не собирался ничего менять. И все же, задумавшись, поменял — бессознательно, думая, что я перепечатаваю все так, как есть.

Ошибку никто не заметил, только сам я потом, когда этот мой знакомый признался мне однажды, что у него после процедуры редактирования генов появилась новая особенность.

— Знаешь, — рассказал он, — бывает, иду по улице, и вдруг бах — меня как по голове ударяет, стою, смотрю в пустоту, ого, думаю, э-ге-ге, вот это да!

Я насторожился:

— Как это? На что похоже?

— Сложно описать!

— Плохо тебе, что ли, становится?

— Да какое плохо! Наоборот, так хорошо, как будто я вдруг вмиг увидел всю красоту и гармонию мира!

Я, придя потом на работу, поднял архивы, посмотрел: в самом деле — увидел свою поправку в редактуру текста его измененных генов. Я, конечно, не был уверен, что это из-за моей правки, но вероятность, конечно, имелась! К счастью, никаких негативных последствий не было.

Знакомый же этот остался очень доволен новым «талантом». А еще выяснилось, что он гениальный шахматист, хотя фигуры никогда в руки не брал. Настолько гениальный, что может соперничать с искусственным интеллектом. То есть когда нейросеть, подключенная к его мозгу, играет с нейросетью, не подключенной к его мозгу, первая выигрывает.

А у меня так и не открылся никакой талант. Поэтому я опять ходил в «Мир миров» — мне пришла в голову мысль, что я могу стать режиссером кино.

После этого, придя домой, я долго плакал.

* * *

Я так расстроился, так расстроился, что решил бросить все и уехать в пустыню куда-нибудь. Жить вдаль от всего, от цивилизации с ее жесткой конкуренцией и борьбой за успех. Все, решил я, буду как отшельник. Буду трудиться на земле, ходить в джунгли и поститься. А люди, те редкие, что окажутся рядом, туристы какие-нибудь, приехавшие в лежащий поблизости природный заповедник, увидят меня и подумают: «Кто этот худой заросший мужчина?» И потихоньку станет распространяться весть обо мне, и станут туристы захаживать в мою пещеру, вырубленную в скале. Сначала будут смотреть, удивляться моему скромному и подвижническому образу жизни, ста-

нут спрашивать, кто я такой и зачем. Я же буду молчать и с отрешенным лицом рубить дрова и воду носить. И потом однажды, когда никто уже не будет ждать, скажу что-нибудь поучительное про жизнь, в одной фразе выражу все, что я про жизнь понял. И тогда потянется ко мне народ...

И тут же подумал: стоп, а вдруг я какой-нибудь духовный учитель, но еще не знаю об этом? Как Толстой, а то и получше? Надо бы в «Мир миров» сходить!

И такой жар по телу пробежал и волнение поднялось, как бывает у завидных игроков в предвкушении игры.

Не знаю, чем бы это кончилось, но в этот момент мне позвонила начальница (кстати, настоящая нейросеть в человеческом обличье) и сказала, что повышает меня до редактора генов, а также назначает меня менеджером на заключительных консультациях с клиентами. Только мне надо пройти небольшое переобучение. Но это меня не смутило: сейчас повышение квалификации проходит в несколько минут — загружают в твой чип информацию, а ты потом сдаешь тест.

* * *

Не знаю, чем я заслужил доверие начальника. Но искусственный интеллект все видит, даже то, что мы, люди, сами не видим. Он обрабатывает в доли секунды огромный объем информации и на ее основе делает выводы, и выводы эти настолько точны, что всегда попадают в самую точку.

И Мария Петровна (наша начальница) приняла решение, что я готов для такой ответственной задачи.

— Иван Андреевич, — сказала она с мягкой улыбкой, — вы тот, кто нужен нашим клиентам! Вы принесете им счастье!

Она вообще любит пафосные формулировки. Сказала и уставилась на меня с этой своей улыбкой, мигая, как будто фотографируя на старый зеркальный фотоаппарат. Нет, ничего не скажу, роботов делают отлично, но только все равно нужно иметь зрение минус пять или хуже, чтобы не понять, что это робот перед тобой, а не человек. Если не видеть, с кем разговариваешь, то можно и не понять, нейросети отлично имитируют человека, но внешне по каким-то нюансам, не всегда понятным признакам, которые и сформулировать не сумеешь — но внешне отличаются.

— Спасибо, Мария Петровна! — ответил я. — Я свободен?

— Да, Иван Андреевич. Кстати, не хотите ли вечером выпить чаю где-нибудь на головокружительной высоте?

— Нет, спасибо, прошу прощения!

Я встал и решительно вышел.

Можете упрекать меня в старомодности, но я не могу ходить на свидания с начальницами-роботами. И не понимаю, зачем им это надо. Многим я покажусь смешным, может быть, даже сексистом и роботоненавистником, но это на самом деле не так.

Мой приятель с работы, тоже редактор, когда я ему об этом рассказал, очень удивился:

— Ну ты даешь! Что же ты отказался? Она такая красotka, умница! И кто знает, может, перед тобой открылись бы... Как она там сказала? А, головокружительные высоты!

Мы с ним посмеялись над ней, но если серьезно, то он бы сто процентов пошел на свидание с Марией Петровной. Только она его не приглашает.

А я теперь немного переживаю, как бы не вышло чего плохого из-за моего отказа. Я, разумеется, понимаю, что робот не человек и мстить из-за таких вещей не будет, но все равно, мало ли...

* * *

Пришла на заключительную консультацию, кто бы мог подумать, сама Мария Стародуб. Пришла, упала в кресло и вдруг заплакала. Я смотрю на нее, и жалко ее стало. Майка грязная, джинсы рвутся по швам, волосы сальные, выглядит ужасно. Невольно подумалось, что с такими деньгами, как у нее, можно было бы уже в принцессу превратиться.

— Вы, наверное, смотрите на меня и думаете, почему я такая страшная? Это все маркетинг, мои директора сказали, что нельзя менять имидж, это ударит по популярности! Да мне и все равно, внешность не главное! Главное то, что внутри, — и она указала на свою голову, — а внутри-то у меня и начались проблемы.

И она всхлипнула и вытерла нос рукавом майки.

— Нет, — ответил я, — меня удивило не это! Меня, как бы это сказать... Меня несколько удивляет то, как изменилась ваша речь, как вы выражаете мысли...

— Ах, это! — она взмахнула руками. — Это я просто стала умной. Ходила к вам в «Мир миров», подредактировала гены, потому что устала быть глупой. Думаете, я не понимала, что я дура? Да я всю жизнь из-за этого страдала, с самого детства, как только стала понимать, что не догоняю за сверстниками. И вот теперь я умная! Все схватываю на лету, соображаю лучше многих, могу вот вам, например, доказать теорему Геделя о неполноте таким способом, о котором он и не знал! Хотите?

— Нет, спасибо! Боюсь, я не настолько умный, не пойму... Но скажите, что же вас не устраивает? Вы умны, талантливы, известны, богаты. Быть может, вы просто несчастливы?

Мне казалось, что я попал в самую точку. Это же обычно так бывает, что у людей все есть, а они все равно несчастливы так, как будто у них ничего нет. Тут-то и помогает «Мир миров» — вместо утомительных походов к психиатру и кучи таблеток достаточно одной процедуры, и все в порядке: дофамин, серотонин и эндорфины вырабатываются и работают, как нужно.

— Вам просто не хватает радости жизни? — продолжил я с авторитетным видом человека, которому все под силу изменить.

— Да не в этом дело! — опять заплакала она. — Я больше не могу творить! Каждый раз, когда я подключаюсь к нейросети, она выдает чепуху, которая никому не интересна! Мои дизайны больше не нравятся! Модельные дома не хотят продлевать со мной контракты... И все это началось после того, как я стала умной! Вы можете посмотреть и исправить это? Если что, я готова снова стать душой, только верните мой талант!

Я растерялся. Это был первый такой случай на моей памяти. В чем дело? Различные редакции генов пришли к конфликту? Или причина в другом? Какая-то спонтанная мутация, травма мозга, заболевание...

— У вас были в последнее время травмы или сильное инфекционное заболевание? — спросил я.

— Нет! Ничего не было! Просто выйдя от вас умной, я вдруг стала бездарной!

* * *

Что я только ни делал, как ни бился, ничего не получалось. Точнее, я мог снова сделать ее душой, но талант не возвращался. Она целыми днями сидела у меня в кабинете на нейродиване, ела чипсы, бургеры, пиццу, и скоро весь диван покрылся жирными пятнами. За две недели она прибавила десять килограммов.

Иногда она засыпала прямо на этом диване с куском в руке, а я с воспаленными красными глазами сидел перед монитором и перебирал возможные варианты. Но получалось все одно и то же: либо дура без таланта, либо умная без таланта.

Дойдя до отчаяния, она наконец сказала мне:

— Знаете, я больше не могу! Оставьте меня глупой лучше уж! Умной сложнее... Жила же как-то раньше, и ничего!

И залилась слезами.

Мне было жаль ее, но что я мог сделать!

— Хорошо! — ответил я. — Только сейчас подправим кое-что...

И я кое-что там у нее подредактировал, что давно мне хотелось поправить, но я все не решался. Это я очень у многих замечал: у них как бы перепутаны фрагменты генов, и их не мешало бы немножко поменять, чтобы гармонично было и смотрелось так, как будто встало на место. И я на свой страх и риск поменял.

И она ушла. Встала с дивана, вздохнула тяжело-тяжело и сказала, делая вид, что ей все равно и даже смешно:

— Ну лана, спасибова вам! Что ж, это было здорово побыть успешной и знаменитой! Пойду, што ле, займусь опять блогом!

* * *

А на следующее утро я проснулся знаменитым.

На самом деле это произошло не прямо на следующее утро, а примерно через месяц.

С Марией Стародуб случилось то же, что и с тем моим приятелем: ей вдруг стало просто хорошо, хорошо от того, что есть она и мир вокруг. Но описала она это в видеоблоге по-своему, как умела, потому что была теперь не очень умной:

— Братва, — сказала она на видео, — это офигеть можно! Это мужик из «Мира миров», красавчик, кстати, он ко мне клеился, так вот он что-то такое сделал, что я теперь щаслива! Я вот иду по улице и думаю: да божеш мой, хосподи, хорошо-то как, мир-то как прекрасен, как здорово, что я живу и он есть!

Кстати, это неправда, я к ней не клеился, и я хотел выступить с опровержением. Но вместо опровержения, когда ко мне приехали за интервью (потому что рассказ Марии вызвал резонанс, ведь она была очень известной медиаперсоной), я дал подтверждение.

— Да, — сказал я, — я к ней клеился! Но она мне отказала.

И после этого в «Мир миров» начался такой прилив клиентов, что отбоя от них не было, и все непременно хотели ко мне! И я делал, что мог, работал не покладая рук, спал по три часа в сутки и дошел до полного изнеможения. Но зато скоро на улицах появилось намного больше счастливых людей, которым для счастья не нужны были машины, дома, модные вещи и все такое прочее. Все эти люди говорили, что они рады наконец просто жить.

Уж потом я обучил несколько помощников, и мне стало полегче, и я смог заняться собой. Я решил и свои гены отредактировать, чтобы тоже испытать то, что испытывали мои клиенты, и перестать гнаться за журавлем в небе — я ведь все еще страдал из-за того, что не имел никаких талантов!

И вот я сел на свой нейродиван, развернул выкладки, посмотрел и глазам не поверил. Оказалось, что у меня нельзя ничего поменять. То есть нет того, что можно было бы поправить. Я потыкал немного туда-сюда, но единственное, что изменилось — я вдруг стал видеть вещи насквозь. Это мне не очень понравилось, и я вернул обратно. Потом вдруг я увидел себя в облике какого-то отшельника в балахоне, бредущего по

пескам Марса, и понял, что вижу свои другие жизни, и отменил и эту редактуру, пока меня не захлестнул бесконечный поток миров и жизней. Понравилась мне только одна суперспособность: читать мысли других, но и эту редактуру я обратил из этических соображений.

В итоге с разочарованием я понял, что не могу получить эту способность! Ту, которую так легко мог дать другим! Расстроился я ужасно и написал заявление об увольнении. Подумал, что хватит с меня, уйду жить отшельником...

* * *

Я собирал вещи в кабинете. Пришла пора расстаться с «Миром миров». Особенно грустно было прощаться с нейродиваном, который подарил мне столько открытий и столько людей сделал счастливыми!

Я сел на него, положил локти на колени и уставился в окно — на косяки птиц, летящих на юг. Вот и я скоро так полечу в неведомые края!

— Можно войти? — это Мария Петровна. В кабинет заглядывает только ее голова, остальную часть себя она пока оставила снаружи, изображая деликатность.

— Пожалуйста, — отвечаю я.

Она заходит, садится рядом на диван и пристально смотрит на меня, но я продолжаю смотреть в окно.

— Иван Андреевич, — вдруг говорит она, — это правда, что вы клеились к Марии Стародуб?

Я с удивлением перевожу глаза на нее. Она серьезна. Я хочу начать оправдываться, но потом думаю: а с какой стати? Я ей ничего не должен. И говорю:

— Да, было дело. А что? Оставьте без выходного пособия?

— Нет. Я просто ревную!

Я засмеялся в голос.

— Ах, зря вы так! — вдруг вскрикнула она. — Думаете, если я робот, то что же, и чувствовать не могу?!

— Именно так и думаю! У вас же нет гормонов, всяких желез, всех этих штук...

— Ну и что?! Много вы понимаете в искусственном интеллекте! Мы очень многое можем! И получше, чем люди. Про любовь и ревность я изучила весь мировой опыт, смоделировала весь тот опыт, которого не было, но который мог бы быть у людей, инопланетян, роботов и других разумных форм, и теперь понимаю в этом намного больше любого человека!

Она пододвинулась ко мне на диване.

— В своем разуме я прожила миллионы жизней, побывала в триллионах романтических отношений и теперь знаю точно, что люблю вас, и только вас!!!

Это было неожиданно. Я вскочил и встал у окна.

— Ладно, ладно, я понял! Что же, мне жаль! Но я не могу ответить вам взаимностью, вы безумно красивы, привлекательны, умны, обаятельны, о такой женщине любой мужчина может только мечтать, но... Дело в том... — я запнулся.

— Дело в том, что я робот? — горько улыбнулась она.

У нее был такой вид, как будто она сейчас заплачет. Но я знал, что эта модель не умеет плакать. Она тоже это знала и думала теперь об этом с досадой.

Я развел руками. Я все сказал.

— Иван Андреевич! — вдруг совершенно другим тоном, холодным и строгим, сказала она. — Вы напрасно бежите от себя! И не можете себе признаться, что я вам нравлюсь! Вам мешают ваши стереотипы, ваша узость мышления.

Я хотел возразить, но она властно подняла руку, давая понять, что не закончила.

— Но это неважно, — продолжила она. — Вы бежите от своего предназначения! От вашего великого таланта!

— Нет у меня никакого таланта, — вздохнул я, — все проверено.

— Нет, есть! Вы делаете людей счастливыми! Вы даете им много больше того, что могут дать слава, деньги, вещи... Вы даете им радость обыкновенного бытия!

— Вы преувеличиваете!

— Не кокетничайте! — резко оборвала она. — Я предлагаю вам остаться на работе и дальше служить на благо человечеству! О, вы не представляете, как я завидую людям, которым вы помогли! Ведь мне-то вы помочь не можете! У меня нет генов, я программный код!!!

— Нет, — сказал я, — я принял решение. И купил уже билет в один конец. Я уйду.

— Я повышаю ваш оклад в пять раз, Иван Андреевич!

— Нет-нет, дело не в деньгах, вы же сами вот только что говорили, что деньги не главное...

— В десять раз!

— Мария Петровна, ну это неприлично уже, что за торг, я же сказал «нет»...

— Иван Андреевич, в сто раз! Это последнее предложение.

Я посмотрел на нее с удивлением. Я не понимал, зачем она это делает, я и так уже обучил других тому, что умею, «Мир миров» справится без меня.

— Так что? — спросила она.

— Я согласен! — вдруг ответил я, неожиданно для себя, и покраснел.

Она улыбнулась, и я прочитал в этой ее улыбке: о, мы все знаем про вас, людишек, намного больше, чем вы сами!

— Сядьте рядом, перестаньте дергаться у окна, Иван Андреевич!

Я заметил, что в самом деле дергаюсь. От волнения. Но сестра не решался.

— Не бойтесь! Я не стану к вам приставать.

Я сделал три шага, разделяющие нас, и сел на краешек, далеко от нее. В тот же момент она с какой-то нечеловеческой скоростью придвинулась, заключила меня в объятия и поцеловала.

— Вы меня обманули! — сказал я, пытаюсь освободиться.

— Да! — засмеялась она. — И не говорите, что вы против!

— Но это же домогательства... — защищался я. — Вы пользуетесь служебным положением!

— О да!

* * *

Я остался. Я подумал, что отшельником всегда успею стать. С такими деньгами, какие я заработаю в «Мире миров», я смогу купить астероид с атмосферой, модифицировать себя генетически так, чтобы стать бессмертным, и потом целую вечность наслаждаться в одиночестве отшельничеством! Почему нет, когда да?

Все вокруг считают меня счастливым. Я богат, знаменит, я тот, кто может сделать счастливыми других. Но только не самого себя.

Встречался с Марией Стародуб и ее старшей сестрой. Они стали очень близки и теперь повсюду ходят вместе. Пообщавшись с ними поближе, я понял, что Стародуб не такая уж и дура.

После этого Мария Петровна устроила мне сцену ревности. Не думаю, что она в самом деле ревновала, но она знает, что так положено. Если ты робот и встречаешься

с человеком, то изволь уж вести себя как человек, иначе ничего не получится. И в самом деле, поведение человека она имитирует так идеально, что похожа на человека больше, чем сами люди. Единственный недостаток — она слишком умна, и спорить с ней, делиться переживаниями о жизни и ее смысле, смутными поэтическими чувствами бесполезно: она все разберет и так разложит по полочкам, что говорить сразу становится не о чем. Но при случае может и подыграть. Надо только сказать ей: «Давай побудем романтичными, а?» И тогда она станет такой романтичной и наивной, как, наверно, не сумеет ни одна живая женщина. В целом с ней хорошо, только я так и не понял, зачем ей самой все это нужно.

В конце концов я переехал к ней жить. У нее огромная усадьба в стиле Дикого Запада, и там есть чем заняться на досуге. Недавно к нам приехала съемочная группа, снимали фильм про мое становление ключевым сотрудником подразделения генетических систем «Мира миров». Был уговор, что личных вопросов не будет. И все же интервьюер не удержался:

— Почему вы живете с роботом? Вы любите Марию ХХХ?

ХХХ — это номер поколения человекоподобных роботов.

Я не хотел отвечать на этот провокационный вопрос. Понятно, почему они спрашивают. Им нужны сальные сенсации, большие просмотры, обсуждения в социальных сетях! А потом подумал: почему я должен оправдываться? И ответил:

— Да, люблю.